DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.5
EDN: SXGIRC

ОБ ОДНОМ ВОЗМОЖНОМ ПОДХОДЕ К ПОСТРОЕНИЮ ИНДЕКСА ИСЛАМСКОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Самун Мохаммад Харун
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
haroon.samun@gmail.com
ORCID: 0009-0003-8155-0599

Для цитирования: *Самун М. Х.* Об одном возможном подходе к построению индекса исламского фундаментализма // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2026. Т. 35, № 2(63). С. 164-180. DOI: 10.19181/4m.2026.35.2.5. EDN: SXGIRC.

В статье обосновывается подход к измерению исламизма и исламского фундаментализма в качестве социальных феноменов. Автор показывает, что прямое социологическое измерение исламского фундаментализма через традиционные опросы наталкивается на такую методологическую трудность, как доктрина «такийи» (благоразумное сокрытие веры).

Кроме того, любое социологическое измерение по своей природе индуктивно: валидность индикаторов устанавливается не дедуктивным выводом из теории, а множеством эмпирических проверок. Выход из данной ситуации автор видит в отказе от построения теоретической модели «идеального типа» фундаменталиста в пользу сугубо эмпирического прогностического индекса. Ключевой принцип: отбирать вербальные индикаторы не по их содержательной очевидности, а на основе устойчивой статистической корреляции с внешним объективным критерием — частотой террористических инцидентов в стране или регионе. Предлагаемая процедура включает три этапа. Первый — агрегирование опросных данных на страновом уровне. Второй — корреляционный анализ всех доступных суждений с официальной статистикой терроризма. Третий — включение в финальную модель только тех пунктов,

чья связь превышает заданный порог значимости. В этом случае валидность индекса не постулируется априори, а буквально извлекается из сонаправленности его колебаний с данными официальной статистики.

Такой подход позволяет преодолеть методический тупик прямых измерений и предлагает реалистичную стратегию диагностики рисков на агрегированном уровне. При этом автор подчеркивает, что предложенный индекс не отменяет необходимости последующего качественного анализа, а служит инструментом первичной ориентации и фильтрации данных. Индекс понимается не как теоретическая конструкция, а как форма организации эмпирического опыта, ориентированная на практические задачи прогнозирования и управления.

Ключевые слова: исламский фундаментализм, исламизм, социологическое измерение, индуктивная стратегия, такийя, индекс, прогнозирование социального поведения, терроризм, вербальные индикаторы, агрегированные данные

Введение

Исламизм и исламский фундаментализм — понятия, допускающие разнообразные трактовки, в том числе вполне нейтральные, например, соотносящие их с программой политических реформ в исламском духе (исламизм) и строгого следования как можно более древним исламским установлениям (фундаментализм) [1; 2; 3]. Однако в современном европеизированном мире оба понятия имеют явную негативную окраску за счет связывания их с религиозно мотивированной агрессией и терроризмом. Не вдаваясь далеко в дискуссию о том, насколько такое связывание оправдано, заметим, что истинным генератором религиозного насилия вполне может быть не исламистская идеология сама по себе, а, например, выражаемый в ней протест против социального неравенства, созданного в империалистической мировой системе [4; 5], а то и сама эта система. Например, ставшая символом исламского терроризма атака против США 11 сентября 2001 года произошла всего через 10 лет после того,

как именно США завершили длительное и преднамеренное разрушение светского государства в Афганистане, вытеснив оттуда СССР на максимально выгодных для себя (как им тогда казалось) условиях [6]. Аналогично, именно американские действия против Саддама Хуссейна привели к созданию ИГИЛ* [7], и т.д.

Но независимо от того, является ли радикальный ислам первопричиной насилия или только его идеологической «оберткой», он представляет значительный интерес в качестве объекта социального управления. Так как, во-первых, сопряженность исламского радикализма и терроризма в современном мире не вызывает сомнений, какую бы природу она ни имела. А во-вторых, наличие такой сопряженности означает особую релевантность именно радикального ислама, даже если он используется лишь в качестве средства легитимации насилия, а не служит его триггером или мотиватором. Значит исламизм и исламский фундаментализм как социальные явления нуждаются в контроле и регулировании. Однако решение этой задачи сталкивается с классической проблемой диагностики: чтобы чем-то управлять, необходимо хорошо себе представлять, как это что-то выглядит, в каких направлениях меняется и по каким внутренним законам [8]. Иными словами, мы должны научиться хорошо измерять исламизм и исламский фундаментализм в качестве социальных феноменов. В этих условиях повышается актуальность поиска различных подходов к измерению исламизма и фундаментализма. Обоснованию одного из таких подходов и посвящена наша статья.

Проблема прямого социологического измерения

Социологическое измерение как таковое, то есть перевод эмпирической системы отношений (ЭСО) в числовую (ЧСО), требует спецификации этой самой эмпирической системы [9].

* Организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ.

В случае с исламизмом и исламским фундаментализмом отношения, которые требуется отразить в ЧСО, возникают внутри сознания мусульман. Но прямого доступа к сознанию других людей ни у одного исследователя пока нет. Мы можем лишь фиксировать определенные продукты сознательной деятельности — тексты, артефакты, поведенческие акты, вербализованные реакции и т.п. Как правило, эти продукты не создаются с измерительными целями и, соответственно, не предназначены для диагностирования их авторов в качестве носителей определенной идеологии или системы ценностей. Для того, чтобы осуществить такое диагностирование, нам необходимо вступить с индивидами — носителями системы ценностей в особое социальное взаимодействие [10]. Например, попросить заполнить анкету. Но для того, чтобы анкета нечто измеряла, респонденты должны не просто сотрудничать с нами, но и, так сказать, «играть по нашим правилам» — понимать вопросы именно так, как мы рассчитываем, они будут их понимать, и отвечать на них искренне [11]. Для того, чтобы мы могли напрямую измерить фундаментализм на индивидуальном уровне, респонденты должны демонстрировать такие признаки вербальных реакций, которые мы могли бы однозначно отнести к фундаментализму. Но это одновременно означает, что однозначность отнесения этих признаков может быть (или даже скорее должна быть) очевидна и для самих респондентов. То есть они должны быть готовы показать себя фундаменталистами.

И тут-то и кроется самая главная, и теоретико-методологическая, и управленческая проблема, глубоко связанная с содержанием ислама как системы мысли. Дело в том, что она включает в себя концепцию, известную как «такийя» — благоразумное сокрытие веры перед лицом мира, враждебного учению Пророка [12]. Дискутируемая среди богословов различных школ с точки зрения применимости в разных ситуациях, «такийя» все же признается как хотя бы временно допустимая практика

всеми без исключения основными течениями ислама. Если рассматривать религиозный фундаментализм как противопоставление «истинных» религиозных установлений искажающей их современности, западному глобализму, постмодерну и «обществу потребления» [13; 14; 15], то мы получаем ситуацию самоусиливающегося «парадокса ЛаПьера»: чем более радикально настроен исламский фундаменталист, тем с большей вероятностью он должен прибегать к практике «такийи», то есть обманывать всех окружающих, которых не воспринимает в качестве своих соратников по вере. Иными словами, все традиционные инструменты прямого социологического измерения, основанные на вербальных самоотчетах, оказываются заведомо плохо применимы к исламскому фундаментализму. Поэтому актуальными становятся косвенные подходы.

Косвенные измерения как индуктивная стратегия

Если мы признаем, что, в отличие от прямых измерений в естественных науках (длина, масса), социология вообще, а не только в случае с исламским фундаментализмом, весьма редко имеет дело с непосредственно наблюдаемыми величинами, что мы не можем измерить «религиозность» так же прямо, как температуру, то должны будем решать проблему индуктивного разрыва между индикатором и конструктом. Когда исследователь конструирует индикатор, например, шкалу престижа профессии, он исходит не из строгой математической модели, связывающей «реальный» престиж, существующий в социальном мире, с ответами на эту шкалу в искусственно созданной ситуации интервью, а скорее из эмпирически наблюдаемой (индуктивной, известной исследователю на самом деле скорее из интроспекции) корреляции между восприятием человека и его вербальным поведением [16]. Никакая дедуктивная теория не может a priori

доказать, что ответы на определенную шкалу престижа будут действительно достаточно хорошо отражать престиж как латентную переменную. Таким образом, каждая шкала, фактически, складывается исторически, в результате множества эмпирических исследований, демонстрировавших устойчивые связи вербального поведения и различных социальных феноменов [17]. Иными словами, структура индикатора ретроспективно детерминируется собранными данными, а не доопытной теорией.

Индуктивную стратегию мы наблюдаем и в таком широко применяемом способе построения индикаторов как их конструирование на основе эксплораторного факторного анализа [18, с. 152-156]. Суть этого метода глубоко индуктивна: у нас есть множество переменных, и мы ищем скрытые факторы, которые объясняют ковариацию ответов респондентов. Математическая процедура «извлекает» факторы из матрицы корреляций, то есть структура индекса индуцируется самой природой данных. Мы не накладываем структуру на данные (дедукция), а позволяем данным проявить структуру (индукция). Исследователь формулирует гипотезу о существовании фактора постфактум, анализируя, какие именно переменные-индикаторы образовали этот фактор. Это классический индуктивный скачок от эмпирического многообразия к теоретическому единству.

Даже там, где созданию набора эмпирических индикаторов предшествует их операционализация, последняя на деле является селективной индукцией, так как социологическая теория, как правило, не содержит закрытого и исчерпывающего перечня эмпирических индикаторов [19, p. 41]. Исследователь вынужден «добывать» этот перечень, анализируя предыдущий опыт. Более того, если теория предполагает связь понятий А и Б, а индикаторы этого не показывают, то часто корректируют не теорию, а индикаторы (меняют их содержание, веса, способ агрегации) до тех пор, пока эмпирическая картина не совпадет с ожидаемой [20, с. 359-368]. Таким образом, индуктивный подход, движимый

не теоретическими соображениями о природе латентной переменной, а реальными доступными исследователю данными — это не просто возможная альтернатива в косвенном социологическом измерении, но его реально работающая стратегия. Это позволяет нам рассмотреть построение индекса исламского фундаментализма как индуктивную задачу.

Индуктивное построение индекса исламского фундаментализма

Примем в качестве вывода из предыдущего обсуждения, что индекс — это не прибор, реализующий теорию, а форма организации эмпирического опыта. Это наилучшая из доступных нам гипотез о том, как связаны между собой разрозненные проявления ненаблюдаемого свойства, проверяемая и модифицируемая исключительно через новое обращение к эмпирике. Именно в этом смысле построение социологических индексов является не просто примером, но и высшей формой проявления индуктивной стратегии в научном познании общества.

Яркие примеры индуктивных индексов мы находим в современной «цифровой социологии». Например, построение индексов качества жизни в определенной местности на основе анализа ее фотографий из Интернета (цветовая гамма, наличие людей и т.п.) или «цифровых следов» проживающих там людей — это радикальная индукция [21; 22]. Алгоритм машинного обучения находит паттерны пикселей или записей о сетевом поведении, которые коррелируют с данными, например, медицинской статистики. Полученные индексы являются чистым эмпирическим обобщением. Никакой социолог не может априорно вывести, то, что, например, затемнение углов фотографии является валидным индикатором психического нездоровья. Связь индикатора и конструкта здесь сугубо индуктивна, вероятностна и установлена «снизу», от данных.

Установление этих связей требует накопления огромного массива эмпирических корреляций, с помощью которых мы не выводим валидность индекса логически из его определения, а индуктивно убеждаемся в том, что созданная операциональная метрика ведет себя так, как «должна была бы» вести себя теоретическая сущность. Индекс валиден не потому, что мы его правильно спроектировали, а потому, что опыт это подтвердил.

Часто в социологии используется наивная индуктивная презумпция равенства весов (каждому индикатору в индексе присваивается значение «1»). Это решение не вытекает из теории, а оправдывается исключительно апостериорной проверкой: если индекс с равными весами коррелирует с интересующими нас зависимыми переменными так же хорошо, как и сложный индекс, значит, допущение сработало.

При использовании таких методов, как регрессионные модели для определения весов, исследователь полностью полагается на эмпирическую связь между индикатором и внешним критерием. Например, в криминологии при использовании индексов делинквентности веса различным индексам и их компонентам могут присваиваться на основе того, насколько сильно каждый пункт коррелирует с фактическим совершением преступления в выборке [23; 24]. Веса извлекаются из данных. Это радикальная эмпирическая индукция: вес есть функция не теоретической значимости, а статистической прогностической силы, обнаруженной в конкретном массиве.

Развивая эту логику, мы можем поставить задачу построения индекса исламского фундаментализма не как теоретической модели «идеального типа» фундаменталиста, а как сугубо эмпирического инструмента, нацеленного на поиск коррелятов (например, вербальных реакций, отраженных в массовых опросах) тех проявлений, которые нуждаются в социальном контроле, прежде всего — террористического насилия. В таком случае мы отказываемся от априорного определения «глубинной сущности» фун-

даментализма. Вместо этого мы принимаем прагматический критерий: фундаментализм есть то, что при определенных условиях статистически сопряжено с наблюдаемыми актами политического и религиозного насилия, фиксируемыми официальными базами данных. Задача такого индекса — не измерить «уровень ортодоксии», а предсказать вероятность перехода носителя определенных вербально выраженных установок к действиям, классифицированным государством как террористические. В этом смысле индекс соответствует векторной модели социального поведения [25].

Исходным материалом для такого индекса могут служить крупномасштабные опросные массивы (например, World Values Survey), в которых респонденты выражают согласие или несогласие с определенными суждениями. Из тысяч доступных переменных мы отбираем только те пункты, которые демонстрируют устойчивую, статистически значимую корреляцию с внешним критерием — не с «религиозностью вообще» и не с «политическим консерватизмом», а именно с частотой террористических инцидентов в стране или регионе проживания респондента, контролируемой на уровне агрегированных данных. Построенный таким образом индекс является чистой формой радикальной индукции. Его конструктная валидность не постулируется, а извлекается из сонаправленности его колебаний с кривыми официальной статистики.

Процедура построения такого индекса фундаментализма выглядит следующим образом. Сначала определяется перечень стран и временных периодов, по которым имеются как репрезентативные опросные данные, так и надежная статистика террористических актов, совершенных выходцами из этих стран или на их территории. Затем массив опросных данных агрегируется: мы переходим от индивидуальных ответов к страновым или региональным средним либо долям. Каждый доступный вербальный индикатор — суждения типа «Законы шариата должны быть основой законодательства страны» или «Моя религия является един-

ственно верной» — рассматривается как потенциальный элемент индекса. Ни одно суждение не включается в индекс на основании теоретической очевидности его связи с фундаментализмом. Напротив, мы применяем алгоритмический отбор: из всего пула вербальных маркеров в финальную модель включаются только те, чья корреляция (Пирсона или ранговая корреляция Спирмена) с частотой террористических актов на душу населения превышает определенный порог (например, $r \geq 0{,}4$ при $p < 0{,}01$).

Индуктивная логика здесь радикальна: мы не знаем заранее, почему конкретная вербальная формулировка лучше предсказывает насилие, но лишь фиксируем эмпирический факт. Например, обнаруживается, что согласие с тезисом «Религиозные лидеры должны влиять на решения правительства» может предсказывать всплеск насильственных инцидентов лучше, чем прямое одобрение самопожертвования, тогда как тезис о «греховности гомосексуализма» может не обладать предсказательной силой вовсе. Эти связи сугубо индуктивны и вероятностны, установлены «снизу», исходя из данных. Их природа выясняется post factum: возможно, первый тезис является медиатором уровня политизированной мобилизации, а второй — лишь маркером социального консерватизма, не переходящего в политическое насилие.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что прямое социологическое измерение исламского фундаментализма наталкивается на серьезное методическое препятствие — практику «такийи», которая делает традиционные опросные методы заведомо ненадежными при работе с радикально настроенными респондентами. Чем выше уровень фундаменталистских убеждений, тем вероятнее, что их носитель будет скрывать эти убеждения от «внешнего» мира, что создает парадоксальную ситуацию: наиболее релевантный объект измерения оказывается наименее доступным для прямого изучения.

Выход из этого методического тупика предлагается в переходе от дедуктивных стратегий измерения к индуктивным. Социологическое измерение, как показано в статье, в своей реальной практике всегда в значительной степени индуктивно: индикаторы конструируются не на основе строгой дедуктивной теории, а извлекаются из эмпирических данных, их валидность подтверждается не логическим выводом, а множеством эмпирических проверок. Эксплораторный факторный анализ, регрессионное взвешивание индикаторов, использование «цифровых следов» — всё это примеры радикальной индукции, где структура индекса «проявляется» из самих данных, а не навязывается им априорной теорией.

Развивая эту логику, мы предлагаем строить индекс исламского фундаментализма не как теоретическую модель «идеального типа» фундаменталиста, а как сугубо эмпирический инструмент прогнозирования. Такой индекс должен отбирать вербальные индикаторы не на основании их теоретической очевидности, а исключительно на основе устойчивой статистической корреляции с внешним критерием — частотой террористических инцидентов. В этом случае валидность индекса не постулируется, а извлекается из сонаправленности его колебаний с данными официальной статистики.

Предложенный подход позволяет преодолеть «парадокс ЛаПьера» применительно к исламскому фундаментализму: мы измеряем не то, что респонденты готовы о себе сообщить, а то, что статистически сопряжено с наблюдаемыми действиями. Индекс становится не отражением «теоретической сущности» фундаментализма, а прагматическим инструментом социального управления, позволяющим диагностировать риски на уровне агрегированных данных. Разумеется, такой подход не отменяет необходимости качественного анализа и теоретического осмысления полученных эмпирических связей, но он предлагает реалистичную стратегию измерения там, где прямое социологическое измерение принципиально затруднено.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мирский Г.* Исламский фундаментализм, сунниты и шииты // Мировая экономика и международные отношения. 2008, № 9. С. 3-15. EDN: JKCUAD. DOI: 10.20542/0131-2227-2008-9-3-15.

2. *Семенова О. А.* Исламский фундаментализм как течение политической мысли: генезис, идеи, этапы и тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007, № 1. С. 61-68. EDN: PUZWTN.

3. *Кирина Ю.* К разграничению понятий «Фундаментализм» и «Политический ислам» // Россия и мусульманский мир. 2011, № 7. С. 183-190. EDN: NVUTSX.

4. *Малашенко А. В.* Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Весь Мир, 2006. 221 с. ISBN 978-5-7777-6329-7.

5. *Гринин Л. Е., Коротаев А. В.* Исламизм и его роль в современном исламском обществе. М.: Учитель, 2019. 144 с. ISBN 9785705754410.

6. *Арунова М. Р.* Афганская политика США в 1945-1999 гг. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2000. 127 с. ISBN 5-89394-041-5.

7. *Cockburn P.* The Rise of Islamic State: ISIS** and the New Sunni Revolution. London: Verso, 2015. 172 p. ISBN 9781784780401.

8. *Татарова Г. Г.* Методология анализа данных в социологии. М.: NOTA BENE, 1999. 224 с. ISBN 5-8188-0005-9.

9. *Толстова Ю. Н.* Математическая логика, теория измерений и социологическое «мышление признаками» // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 1998, № 10. С. 122-141.

10. *Бутенко И. А.* Анкетный опрос как общение социолога с респондентами. М.: Высшая школа, 1989. 176 с. ISBN 5-06-000005-2.

11. *Lenzner T.* Effects of survey question comprehensibility on response quality // Field Methods. 2012, vol. 24, № 4. P. 409-428. DOI: 10.1177/1525822X12448166.

12. *Прозоров С. М.* Ислам как идеологическая система. М.: Восточная литература, 2004. 470 с. ISBN 5-02-018366-0.

13. *Волобуев А. В.* Постглобализация и грани фундаментализма // Век глобализации. 2021, № 3(39). С. 33-44. EDN: IOBUWP.

14. *Почта Ю. М., Оберемко Т. В.* Политическое значение исламского фундаментализма в эпоху постмодерна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014, № 1. С. 5-19. EDN: QBDZRA.

15. *Бабич Н. С., Батыков И. В.* Общество потребления: опыт моделирования взаимосвязей консюмеризма и религиозности // Социологические исследования. 2022, № 7. С. 97-108. EDN: IWBROD. DOI: 10.31857/S013216250019642-9.

** Организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ.

16. *Cicourel A. V.* Interviews, surveys, and the problem of ecological validity // The American Sociologist. 1982, vol. 17, № 1 (Feb., 1982). P. 11-20.

17. *Schaeffer N. C., Dykema J.* Questions for surveys: current trends and future directions // Public opinion quarterly. 2011, vol. 75, № 5. P. 909-961. DOI: 10.2307/41345917.

18. *Митина О.* Разработка и адаптация психологических опросников. М.: Смысл, 2013. 235 с. ISBN 978-5-89357-275-9.

19. *Stinchcombe A. L.* Constructing social theories. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 320 p. ISBN 0-226-77484-8.

20. *Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Акад. Проект, 2008. 475 с. ISBN 978-5-8291-1049-9.

21. *Long Y., Liu L.* How green are the streets? An analysis for central areas of Chinese cities using Tencent Street View // PloS one. 2017, vol. 12, № 2. P. e0171110. DOI: 10.1371/journal.pone.0171110.

22. *Щекотин Е. В.* Цифровые следы как новый источник данных о качестве жизни и благополучии: обзор современных тенденций // Вестник Томского государственного университета. 2021, № 467. С. 170-181. EDN: JPNJIY. DOI: 10.17223/15617793/467/21.

23. *Rankin J. H., Kern R.* Parental attachments and delinquency // Criminology. 1994, vol. 32, № 4. P. 495-515. DOI: 10.1111/j.1745-9125.1994.tb01163.x.

24. *Grann M., Långström N.* Actuarial assessment of violence risk: To weigh or not to weigh? // Criminal Justice and Behavior. 2007, vol. 34, № 1. P. 22-36. DOI: 10.1177/0093854806290250.

25. *Бабич Н. С., Харун С. М.* Модель вектора решений в прогнозировании социального поведения (на примере вторичного анализа данных предвыборных опросов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024, т. 24, № 4. С. 959-974. EDN: RGLNID. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-959-974.

Сведения об авторе

Самун Мохаммад Харун

Аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН).

Статья поступила в редакцию: 25.10.2025 г.
Статья принята к публикации: 23.06.2026 г.